

ОРГАНИЗАЦИЯ
ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

ГЕНЕРАЛЬНАЯ
АССАМБЛЕЯ

UN LIBRARY

NOV 19 1976

Distr.
GENERAL

A/C.1/31/8
16 November 1976
RUSSIAN
ORIGINAL: SPANISH

Тридцать первая сессия
ПЕРВЫЙ КОМИТЕТ
Пункт 45 повестки дня

КОНВЕНЦИЯ О ЗАПРЕЩЕНИИ ВОЕННОГО ИЛИ ЛЮБОГО ИНОГО
ВРАЖДЕБНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА
ПРИРОДНУЮ СРЕДУ

Письмо Постоянного представителя Мексики при Организации
Объединенных Наций от 15 ноября 1976 года на имя Генерального
секретаря

Имею честь направить Вашему Превосходительству в приложении к настоящей записке текст рабочего документа, который правительство Мексики представляет в связи с пунктом 45 повестки дня тридцать первой сессии Генеральной Ассамблеи, озаглавленным "Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду". Прошу Ваше Превосходительство распространить этот текст в качестве документа Генеральной Ассамблеи.

Посол Роберто де РОЗЕНЦВЕЙГ ДИАС
Постоянный представитель Мексики
при Организации Объединенных Наций

Рабочий документ о масштабах запрещения военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду

Правительство Мексики считает, что формулировка статьи I так называемого "проекта конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду", которая первоначально содержалась в идентичных проектах, представленных Советами Комитета по разоружению в августе 1975 года делегациями Соединенных Штатов и Советского Союза, является абсолютно неприемлемой. Для того, чтобы Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций могла рекомендовать данный проект государствам-членам, по мнению правительства Мексики, крайне необходимо опустить ограничительную фразу, гласящую "которые имеют широкие, долгосрочные или серьезные последствия". Это позволит добиться того, что положения первого пункта - хотя они и значительно уступают положениям первоначального советского текста 1974 года, - по крайней мере, не создадут опасности узаконивания многочисленных актов экологической войны.

Ниже приводятся соответствующие пункты выступления министра иностранных дел и главы делегации Мексики при открытии общих прений в Первом комитете по вопросам разоружения 1 ноября 1976 года*:

"Так называемый" проект конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду", подготовленного в этом году Рабочей группой Совета Комитета по разоружению, опирался непосредственно на идентичное предложение, представленное в августе 1975 года Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки. Учитывая его важность, несомненно, что определенные делегации с большим интересом подойдут к данному проекту в ходе нынешней сессии Генеральной Ассамблеи и к заявлению предыдущего оратора, совершенно очевидно, что то, что я написал, и то, что я только что зачитал, оправдывают мое предположение. С тем чтобы осветить некоторые важные аспекты вопроса, может быть было бы уместно кратко остановиться на истоках этого вопроса.

Соединенные Штаты и Советский Союз рассматривали вопрос о воздействии на природную среду на одной из так называемых встреч в верхах, которая была проведена в Москве немногим более двух лет тому назад. В совместном коммюнике от 3 июля

---

* Русский текст основывается на устном переводе с испанского языка.

1974 года две сверхдержавы признали, что использование научно-технического прогресса в областях, связанных с окружающей средой, в военных целях могло бы иметь широкие, долгосрочные и серьезные последствия, наносящие ущерб благосостоянию людей, и решили, что поэтому должны быть согласованы эффективные меры, с тем чтобы устранить опасность использования подобных средств воздействия. Они также решили проводить совещания для достижения этих целей.

В сентябре того года по просьбе Советского Союза в повестку дня двадцать девятой сессии Генеральной Ассамблеи был включен вопрос, озаглавленный "Конвенция о запрещении воздействия на природную среду и климат в военных и иных целях, не совместимых с интересами обеспечения международной безопасности, благосостояния и здоровья людей". В письме, в котором содержалась просьба о включении этого пункта, министр иностранных дел Советского Союза, кроме всего прочего, указывал:

"По мнению Советского правительства, в нынешних условиях главное место в деятельности Организации Объединенных Наций должен занимать вопрос о том, как закрепить и расширить позитивные процессы, происходящие в современном мире, подкрепить политическую разрядку военной, добиться новых конкретных результатов в области ограничения вооружений и разоружения.

Советский Союз полагает, что важным шагом на этом пути явилось бы запрещение воздействия на природную среду и климат в военных и иных целях, не совместимых с интересами обеспечения международной безопасности, благосостояния и здоровья людей.

В течение многих столетий человек стремится познать, каким образом можно воздействовать на природные факторы в положительном направлении, смягчить пагубные последствия стихийных бедствий. В настоящее время в этих целях многие государства проводят научно-исследовательские и практические работы, направленные, в частности, на создание искусственных дождей, рассеивание облачности и т.д. Деятельность в этой области, преследующую мирные, созидательные цели, следует, разумеется, всячески поощрять и приветствовать. Однако результаты этих исследований могут использоваться и в разрушительных военных целях, что представляло бы исключительную опасность для всеобщего мира, для благосостояния и здоровья людей.

Назрела необходимость разработки и заключения соответствующей международной конвенции, которая поставила бы любое /повторяю: любое/ воздействие на окружающую среду в военных целях вне закона". (A/9702, стр. 2)

Я подчеркиваю "любое воздействие" на окружающую среду в военных целях.

Я подчеркиваю "любое воздействие", поскольку это было ключом первоначального советского предложения. Позже, Советский Союз вместе с 23 другими делегациями представил проект резолюции, приложение к которой содержало проект конвенции, первая статья которой гласила:

"Каждый из участников Конвенции обязуется не проводить разработку метеорологических, геофизических и любых иных научно-технических способов воздействия на природную среду, включая погоду и климат, в военных и иных целях, не совместимых с интересами обеспечения международной безопасности и интересами благосостояния и здоровья людей, а также никогда ни при каких обстоятельствах не прибегать к таким способам воздействия на природную среду и климат и не осуществлять подготовку к их использованию".

Нет сомнения в том, что всеобъемлющий охват запрещения, предусматриваемый в проекте советской резолюции, лежал в основе того благоприятного отклика, который был ему оказан Генеральной Ассамблеей. В действительности, резолюция 3264 (XXIX) была принята 126 голосами, никто не голосовал против, при 5 воздержавшихся, среди которых была делегация Соединенных Штатов.

Похоже, что американская делегация воздержалась потому, что американская администрация к тому времени еще не пришла к выводу о том, должен ли быть запрет полным или частичным, хотя администрация была склонна согласиться с позицией Пентагона, выступавшего за ограниченное запрещение.

Более того, следует отметить, что Сенат Соединенных Штатов 11 июля 1973 года сам высказался в пользу всеобъемлющего запрещения. В тот же день подавляющим большинством Сенат американского Конгресса принял резолюцию 71, в которой он просил правительство Соединенных Штатов стремиться к достижению соглашения с другими правительствами по выработке договора, который запрещал бы применение в любом месте любых средств воздействия на природную среду или геофизических средств в качестве орудий войны.

В 1975 году Совещание Комитета по разоружению обсудило вопрос о запрещении воздействия на природную среду и климат в военных и иных целях и в августе того же года были проведены неофициальные консультации с участием экспертов в этой области. В конце августа делегации Соединенных Штатов и Советского Союза представили идентичный проект конвенции, о котором я говорил выше, к истинному удивлению многих. Несмотря на то, что целый ряд делегаций высказался в пользу полного запрещения, первый пункт Статьи I этих предложений выглядит следующим образом:

"Каждое Государство-участник настоящей Конвенции обязуется не прибегать к военному или любому иному враждебному использованию средств воздействия на природную среду, которые имеют широкие, долгосрочные или серьезные последствия в качестве способов разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда любому другому Государству-участнику".

Своей резолюцией 3475 (XXX) 11 декабря 1975 года Генеральная Ассамблея просила Совещание Комитета по разоружению продолжать свои переговоры по тексту конвенции о запрещении враждебного использования окружающей среды,

"с учетом имеющихся предложений и соображений, а также соответствующего обсуждения Генеральной Ассамблеей".

Эта последняя фраза была включена в вышеупомянутую резолюцию, с тем чтобы отразить озабоченность целого ряда делегаций, которые не хотели бы, чтобы переговоры по этому вопросу в Комитете по разоружению привели к частичному запрещению.

Делегации, принимавшие участие в работе Совещания Комитета по разоружению, не смогли в этом году прийти к соглашению по тексту

/...

конвенции, и была сделана попытка прикрыть отсутствие такого соглашения. Однако, как видно из прочтения пунктов 378-387 доклада Сопредседателя Комитета по разоружению, а также из протокола 727-го пленарного заседания этого Сопредседателя, среди членов Комитета существует твердое убеждение против целого ряда принципиальных положений, содержащихся в проекте конвенции, включенного в доклад.

В этой связи я хотел бы подчеркнуть, что хотя, как мы чувствуем, новый текст Статьи У, подготовленный Рабочей группой, в особенности дополнение, которое предусматривает созыв консультативного комитета экспертов в соответствии с изложенными в нем целями, представляет оптимистичный прогресс, он тем не менее никоим образом не позволяет нам забывать о весьма серьезных опасностях, заложенных в положениях Статьи I идентичных проектов, представленных Советским Союзом и Соединенными Штатами, соответственно, в августе 1975 года, которые также фактически являются идентичными положениям, содержащимся в проекте, находящемся в настоящее время на рассмотрении Первого комитета.

В свете первоначального советского текста, который я приводил некоторое время тому назад, всеобъемлющий текст в том, что касается запрещения, категоричным и исчерпывающим по своим концепциям, Статья I, предлагаемая нам сверхдержавами, во всех отношениях является неудовлетворительной и двусмысленной. Чтобы продемонстрировать то, что я назвал "серьезными опасностями", вытекающими из новых положений, то достаточно придать проекту этой статьи утвердительный смысл, делая его равноценным с правовой точки зрения представленному тексту, тогда эти положения выглядели бы следующим образом:

"Каждое государство-участник настоящей Конвенции будет иметь право использовать средства воздействия на природную среду в военных или любых других враждебных целях с целью вызвать разрушения, ущерб или нанести вред другому государству-участнику при условии, что такие средства не приведут к широким, долгосрочным или опасным последствиям".

Опасность, заложенная в этих положениях, говоря практическим языком, а также с правовой точки зрения, еще более четко может быть видна, если мы обратим внимание на то, как трактуется выражение "средства воздействия на природную среду", включенное в Статью II, и в соответствии с которым это выражение будет включать в себя, среди прочего, преднамеренное манипулирование природными процессами, для того чтобы вызвать землетрясения, приливы, различного рода циклоны и ураганы, или изменение условий слоя озона, ионосферы или океанских течений.

/...

Мы считаем, что вызывает огромную тревогу то, что каждый может думать о том, чтобы узаконить в рамках международной конвенции столь чудовищные действия, как эти, до тех пор, пока они не будут иметь "широких, долгосрочных и серьезных последствий", особенно если мы примем во внимание тот факт, что при определении таких последствий всегда неизбежно окажется наличие весьма значительного субъективного элемента.

Более того, мы должны также принять во внимание тот факт, что среди результатов применения тех средств воздействия на окружающую среду, которые позволяются в силу того, что они не являются достаточно "широкими", согласно разъяснению, представленному нам сверхдержавами, которые выработали это положение, были бы такие, которые могли бы распространяться на район не менее нескольких сотен квадратных километров, а также среди тех, которые допускались бы, поскольку они не подпадают под определение "долгосрочных", предлагаемое нам сверхдержавами, были бы такие, которые сохранялись бы менее чем "несколько месяцев или около одного сезона".

Вышесказанное приобретает еще более серьезное значение, если мы будем учитывать, что в данном вопросе мы разрабатываем законодательные акты в такой области, как изменение окружающей среды в военных целях, области, которую можно считать практически нетронутой, и поэтому любой многосторонний механизм, который может появиться, будет представлять собой прецедент с неисчислимыми последствиями для эволюции прав человека в области, которая имеет такое огромное значение для будущего человечества.

В силу всего того, о чем я говорил, моя делегация считает необходимым спустить слова "которые имеют широкие, долгосрочные или серьезные последствия", что сделает этот пункт 1 статьи I приемлемым для нас, хотя тогда этот пункт отнюдь не будет равен первоначальному советскому тексту, который я только что зачитал. Тогда текст этой статьи будет гласить:

"Каждое государство-участник настоящей Конвенции обязуется не прибегать к военному или любому иному враждебному использованию средств воздействия на природную среду в качестве способов разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда любому другому государству-участнику".

Если, к сожалению, две сверхдержавы будут по-прежнему проявлять нежелание внести в свое совместное предложение то изменение, о котором я только что говорил, и если согласятся с тем, чтобы нынешняя сессия Генеральной Ассамблеи одобрила текст в его нынешней редакции, тогда, несмотря на все свое желание, делегация Мексики не сможет поддержать его. Мы решительно отказываемся поддержать какие-либо усилия, которые направлены на то, чтобы придать законность таким жестоким военным действиям, о которых я только что говорил, в документе, который якобы имеет целью разоружение.

То, что сказал здесь несколько минут тому назад представитель Соединенных Штатов, наводит меня на мысль о том, что, возможно, такой аргумент на деле и не возникнет. И действительно, если я правильно его понял, делегация Соединенных Штатов придерживается позиции о том, что все средства, без каких-либо ограничений, которые перечислены в статье 2, должны быть обязательно запрещены по условиям этой конвенции.

Если это так, то решение очень простое. Оно заключается не в том, чтобы выступать здесь с заявлениями или говорить о согласованных меморандумах, а в том, чтобы просто-напросто снять эти слова, "которые имеют широкие, долгосрочные или серьезные последствия". Таким образом, это средство очень простое и является единственным законным путем для решения этой проблемы. Такой известный юрист, как посол Мартин, конечно, знает, что как постоянный Международный Суд, который существовал между двумя мировыми войнами, так и настоящий Международный Суд заявляли о том, что если текст договора или конвенции имеет какой-то смысл, то не следует и не нужно пытаться толковать его в других документах.

Любому, кто, возможно, изучил проект конвенции, представленный на наше рассмотрение, становится ясно, что в том виде, как он представлен, его смысл ясен, но, к сожалению, смысл его именно такой, о каком я подробно говорил в моем выступлении. Если мы хотим, чтобы абсолютное запрещение таких действий было смыслом этой конвенции, тогда средство для этого очень простое, и оно является единственным законным средством, а именно: опустить эти слова".
